

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

ЧИТАЙТЕ

смешные детективы

НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВОЙ:

- Любовь нечаянно пристанет
Я не твоя, мой господин!
Через тернии в загс
Когда муж идет налево
Камешки чистой воды
Весь мир за ваш счет
До встречи в облаках!
Фантазии офисной мышки
Шалаш в Эдеме
Досье на Пенелопу
Мальтийская головоломка
Клиент Пуаро
Откройте принцу дверь!
Маркиз-потрошитель
Леди Титаник
Кодекс поведения блондинки
Калоши невезения
Черная тень в белом плаще
Африканская страсть
До последней звезды
Карамельные неприятности
Укрошение свекрови
Миллион черных роз
Муж, который живет на крыше
Приятных кошмаров
Поцелуй на пожарной лестнице
Потусторонним вход воспрещен!
Верный паж госпожи
Сон в брачную ночь
Клуб шальных бабок
Фаберже дороже денег
Чемоданчик Пандоры
Персона царских кровей
Диета против пистолета
- Неправда о любви
Вас снимает скрытая камера!
Лямур, тужур и абажур
Дама разбитого сердца
Служанка двух господ
Теща Франкенштейна
Утром деньги, вечером пуля
Алмазная принцесса
Шикарный блеф
Правнучка ведьмы
Дурдом с призраками
Мечты сбываются
Влюбленным вход воспрещен!
Серенада для шефа
Все против свекрови
Полюблю до гроба
Игра с неверным мужем
Любовь мексиканского сыщика
Белые ночи с Херувимом
Проделки небожительницы
Призрак фокусника
Рассмешить Бога
Небо в шоколаде
До свадьбы заживет
Тайное сокровище олигарха
Альковная тайна содержанки
Не злите джинна из бутылки
Отмычка от разбитого сердца
Гарем без проблем
Джакузи для Офелии
Финита ля трагедия
Русалку за хвост не удержат
Причуды графа Дракулы
Пятая жена моего мужа

Наталья Александрова

Дегустация
волшебства

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии *Д. Сазонова*

В оформлении обложки использована работа
художника *В. Остапенко*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Дегустация волшебства : роман / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Смешные детективы).

ISBN 978-5-699-78301-4

Весь культурный Петербург потрясло сенсационное событие — посреди бела дня кто-то самым наглым образом ограбил Эрмитаж. Самое интересное — пропали не бесценные полотна Рембрандта или Рубенса и даже не инкрустированные золотом и драгоценными камнями старинные иконы, а небольшая картина малоизвестного французского художника Жибера «Бассейн в гареме». Сигнализация к картине не была подключена, и злоумышленники, воспользовавшись отсутствием в зале музейного работника, просто-напросто вырезали холст из рамы, скатали картину в трубочку и спокойно вынесли ее через главный вход... Надежда Николаевна Лебедева тоже узнала о дерзком ограблении из новостей, но потом, столкнувшись в лифте с соседкой-школьницей Леночкой, услышала очень много интересного как о французских живописцах, так и о художнике Жибере в частности...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78301-4

Антон Филаретович посмотрел в глазок и, узнав племянника, загремел замками и засовами. Для старика, владевшего одной из самых значительных частных коллекций в городе, английский принцип «Мой дом — моя крепость» был не пустым звуком.

— Здравствуй, Васенька, проходи! — старик посторонился. — Если не возражаешь, выпьем чаю на кухне, а то в гостиной у меня офорты разложены, примоститься негде.

— Хорошо, дядя Тоша. — Молодой человек бросил взгляд на свое отражение в зеркале в стиле ампир, пригладил волосы и прошел по коридору. — Я вам конфет принес, грильяж, какие вы любите.

На кухне тоже трудно было примоститься: все свободное пространство занимали немецкий фарфор, китайская керамика, альбомы репродукций и специальные монографии. Смахнув со стула несколько книг, Антон Филаретович усадил племянника, включил электрический чайник и с гордостью показал на красующуюся в центре стола невзрачную темно-коричневую чашку:

— Посмотри, Васенька, какая прелесть.

Вася пожал плечами. Коллекционер взглянул на него с сожалением и проговорил:

— Жаль, что ты слеп к прекрасному... Это японская чашка для чайной церемонии, так называемый «черный раку». Шестнадцатый век. Старый Левантович отдал ее мне, зная мою любовь к восточной керамике. Посмотри, как она совершенна! В ней воплощены все четыре принципа японской эстетики — саби, ваби, югэн и сибуй, то есть простота, целесообразность, недоговоренность и первозданность.

— Дорогая? — осведомился практичный Василий.

— Почему ты все меришь только деньгами? — Дядя поморщился, но тут же добавил: — Но вообще-то она очень дорогая, не меньше пятидесяти тысяч...

— Долларов? — присвистнул племянник.

— Ну не тугриков же!

— Что же Левантович ее отдал?

— Не все измеряется деньгами! — повторил старик с пафосом. — Впрочем, вашему поколению этого не объяснить. Левантович умирает, ему осталось не больше месяца. Падчерица у него — невероятная стерва, распродаст коллекцию раньше, чем старика похоронят. Вот он и хочет, чтобы хоть что-то попало в хорошие руки...

— Кстати, дядя Тоша, — Василий заговорил нарочито нейтральным тоном, но голос его предательски дрогнул, выдавая волнение, — ты не мог

бы выручить меня деньгами? Я попал в чрезвычайно неприятную историю...

Антон Филаретович заметно побледнел и напряженным голосом сказал:

— У меня нет денег!

— Да брось, дядя! — Вася огляделся и с фальшивым дружелюбием воскликнул: — Ты же отличный старикан! Все время покупаешь свои черепки, картины и прочую рухлядь! А когда единственному племяннику понадобилось немного денег...

— Немного — это сколько? — спросил коллекционер, вытирая со лба неожиданно выступившие бисеринки пота.

— Ну... Не то чтобы совсем немного... Я должен одному человеку... Очень опасному человеку... Несколько тысяч...

— Долларов? — испуганно воскликнул старик.

— Ну не тугриков же!

— У меня нет таких денег! — повторил Антон Филаретович, отводя потемневшие глаза и потирая грудь. — Я очень боялся этого... Боялся этого, Вася. Многие мои знакомые рассказывали о том, как родственники... Доят их, обирают, требуют денег, заставляют продавать коллекции... Я думал, надеялся, что у нас до этого не дойдет... Ведь коллекция — это вся моя жизнь.

— Ну дядя! — Василий говорил с наигранной бодростью, заглядывая в глаза старику. — Никто же не покушается на твою драгоценную коллек-

цию. Я просто влип, мне нужно четыре тысячи долларов — и все, они от меня отстанут...

— У меня нет таких денег! — повторил старик.

Лицо его стало еще бледнее, он откинулся на спинку кресла, вынул из кармана флакончик нитроглицерина.

— Видишь, ты довел меня до приступа.

— Ты сам себя довел! — истерично выкрикнул Василий. — Для тебя твоя поганая коллекция заслонила весь мир! Живешь здесь за десятью засовами, как мышь в сейфе, ни до чего тебе нет дела! Ты и мать мог бы спасти, если бы денег не пожалел! Нашел бы ей хорошего врача, отправил бы за границу...

— Варе никто не мог помочь! — выкрикнул Антон Филаретович, слепо шаря по столу трясущейся рукой. — Видит Бог, я все делал для сестры, все, что мог! Болезнь обнаружили слишком поздно, на последней стадии...

Неловким движением руки старик толкнул лекарство со стола, попробовал нагнуться за ним, но резкая боль в груди помешала, лишила сил.

— Вася, Васенька! — проговорил он изменившимся голосом. — Помоги мне, подай лекарство...

«Врет все про мать, жадина несчастный! — думал Вася. — Как узнали, что у нее рак, так он сразу — безнадежно, безнадежно! Для родной сестры денег пожалел...»

Племянник опустился на колени, пошарил под столом и вдруг замер, пораженный внезапной мыслью.

— Оно куда-то закатилось, — сказал он сдавленным чужим голосом.

— Вызови... Вызови «неотложку»...

— Сейчас. — Василий поднялся на ноги, бросив взгляд на землистое лицо дяди, прошел в прихожую, снял трубку и, прижимая пальцами кнопку отбоя, сделал вид, что набирает номер. Потом долго и убедительно перечислял в мертвую трубку симптомы дядиногo самочувствия, дважды повторил адрес, вернулся на кухню.

Антон Филаретович дышал медленно и осторожно, как будто делал трудную и ответственную работу, лицо его заливала мертвенная серая бледность.

— Что... Что они сказали? — с заметным трудом спросил он между неровными болезненными вдохами.

— Приедут, скоро приедут! — ответил племянник с неестественным энтузиазмом. — Потерпи еще полчаса.

— Пол... полчаса... это много... — проговорил старик, преодолевая боль. — Посмотри еще... на полу... Может быть, найдешь...

Василий снова встал на четвереньки, нашел трубочку лекарства и затолкал ее поглубже, еще пошарил под столом и выбрался красный и смущенный. — Нет, не могу найти!

— Ты... ты... не врешь? — В выцветших глазах старика слабой искрой вспыхнула подозрительность. — Посмотри... в кабинете... в письменном столе... Там есть еще... нитроглицерин... — доба-

вил слабым голосом в спину уходящему племяннику:

— Ничего... больше там... не трогай...

Василий вошел в кабинет, выдвинул верхний ящик, сразу увидел лекарство, но и не подумал доставать его. Один за другим выдвинул остальные ящики, равнодушно перерыл письма, документы, наткнулся в глубине второго ящика на тощую пачку долларов, пересчитал, пренебрежительно скривился и сунул деньги в карман. Такая сумма никак не решала его проблем.

— Что... что ты делаешь? — донесся с кухни сдавленный дядин голос. — Почему... почему ты не идешь?

«Ничего, — подумал Василий, — помучайся немножко! Мать дольше мучилась, заснуть не могла без укола».

Он вспомнил три месяца бесконечных мучений, запах больной умирающей плоти, ампулы на блюдечке. Из больницы мать выписали, когда поняли, что она безнадежна. Дядя давал какие-то деньги, этими деньгами оплачивали медсестру, которая приходила колоть наркотик, без него боль была нестерпимой, но ни на что большее денег не хватало...

Василий скользнул взглядом по плотному голубому конверту, взял его в руки, задвинул последний ящик и отошел от стола. Конверт был заклеен, невозможно было определить на ощупь, что в нем находится.

— Вася! Васенька! Почему ты не идешь? — донесся слабеющий голос старика.

Василий машинально сунул конверт в карман и, движимый трудно определимым чувством, вернулся на кухню. Дядя полулежал в кресле, руки его безвольно свисали с подлокотников, лицо стало совершенно серым, а губы приобрели странный синеватый оттенок. Такими же были губы матери перед самой смертью.

«Ты легко отделаешься, — подумал племянник, — всего каких-нибудь полчаса. Это легкая смерть. Мать умирала три месяца».

— Где... — еле слышно прошептал старик, — где... лекарство?

— Я его не нашел, — ответил Василий спокойно, глядя ему прямо в глаза.

— За что? — проговорил Антон Филаретович с ужасом. — За что? — Взгляд его остекленел, челюсть отвисла, по телу пробежала чуть заметная судорога, и старый коллекционер умер, не получив ответа на свой последний вопрос.

Василий отшатнулся, будто его ударили. Он едва не заплакал и с трудом заставил себя отвести глаза от мертвого дядино лица. В следующую секунду им овладела нездоровая суетливая деловитость. Оглядевшись вокруг, он под воздействием неожиданного импульса схватил японскую чашку, завернул ее в шелковый платок и спрятал в карман. Собрался было стереть отпечатки пальцев, но тут же охладел к этой идее — он часто бывал у дяди дома и почему бы здесь не быть его отпечаткам, скорее их отсутствие может показаться подозрительным.

Разумнее всего было бы сейчас вызвать «неотложку» и дождаться ее, но он не мог действовать разумно, ему страшно было оставаться возле трупа, да и не смог бы правильно себя вести с врачом, слишком был взвинчен...

Он пометался еще по квартире и, наконец, увидев на гвозде возле двери связку ключей, решил уйти — не был здесь сегодня, ничего не знает, совершенно ни при чем.

Выскользнул из квартиры, запер дверь на три замка. К счастью, никого не встретил на лестнице, чуть не бегом добрался до Фонтанки и, оглядевшись по сторонам, бросил ключи с моста в темную маслянистую воду.

— Сеня, волокиты еще пива! — крикнул через плечо Муса, и, развернувшись к компании, закончил байку: — Нет, блин, это мы вас приветствуем на борту нашего самолета!

Рыжеволосая дебелая Оксана захохотала громким вульгарным смехом, нарочно тряся белыми пышными телесами. Она бесстыдно развалилась на деревянной скамье, переводя развратные зеленые глаза с одного мужчины на другого. Женя, худощавая темноглазая шатенка, с нарочитой стыдливостью куталась в простыню, сидела, потупив глазки, смеялась на анекдоты тихо, деликатно — такой уж у нее стиль. Надо сказать, на Гошу она действовала сильнее, чем вульгарная Оксана, — известно ведь, что в женщине должна быть загадка. Даже в таких девицах.

Георгий Сергеевич Фиолетов, для хороших знакомых Гоша, впервые в жизни был в бане с девочками. Его пригласил давний знакомый Андриуша Шмыгун, сокращенно — Джек, тип несколько скользкий и несколько темный, но обаятельный и денежный. Знакомы они были с детства — раньше жили в одном дворе, а не так давно случайно столкнулись в автомастерской, где Гоша в который раз чинил свою раздолбанную «восьмерку». Конечно, сотруднику Эрмитажа, такому как Гоша, подобного рода купеческие развлечения не по карману, и когда Джек позвал его, Гоша поморщился и сказал, что бабы ему осточертели. Джек понимающе ухмыльнулся и пояснил:

— Халява, сэр! Один большой человек гуляет, обмывает успешную сделку. А он уважает умных людей... Вот ты у нас за умного и сойдешь! — Джек захохотал собственной, как ему показалось, удачной шутке.

Большой человек оказался маленьким кривоногим татаринком по имени Муса с обвислыми усами и колючими холодными глазками. Он непрерывно рассказывал анекдоты, сам почти не смеялся, но внимательно и с интересом наблюдал, как смеются другие. Гошу упорно называл «профессором» и обращался к нему чрезвычайно вежливо. Взвинченному непривычной обстановкой, выпивкой и женщинами Гоше льстила эта уважительность. Он хотел казаться значительным, важным, причастным к каким-то великим тайнам.

Оксана, преувеличенно громко смеясь, вскочила со скамьи, трясая задом, пробежала к бассейну

и бултыхнулась в него, обдав компанию брызгами. Гоша перехватил Женин презрительный взгляд, улыбнулся ей одними глазами. Женя подседа к нему поближе, пригнулась, коснувшись грудью, проворковала в самое ухо:

— Ты правда профессор? Я думала, они все старые, а ты молодой и симпатичный!

Гошу бросило в жар, он облизнул губы и проворковал:

— Ну, не совсем профессор, я кандидат вообще-то... В Эрмитаже работаю...

— Как интересно! — Женя придвинулась еще ближе, простыня ненавязчиво сползла с плеча, открыв маленькую смуглую грудь.

Появился Сеня с новым ящиком «Хейникена», Муса вынул из складок простыни пистолет и ловко, краешком ствола, сорвал крышки с нескольких бутылок. Джек нырнул за Оксаной в бассейн и оттуда послышалось довольное повизгивание. Муса протянул Гоше открытую бутылку и с интересом спросил:

— А что, каждая картина в Эрмитаже на сигнализации находится?

Гоша неожиданно очень сильно опьянел. Комната закачалась перед ним, никак не наводясь на фокус. Женя слегка прикусила мелкими острыми зубами мочку Гошиного уха. По позвоночнику пробежала сладкая щекотная волна. Хотелось смеяться, говорить, показать, какой он крутой...

— Какая сигнализация! — Гоша презрительно хмыкнул. — Знающий человек, если надо, любую

картину может вынести! Тех, что в запасниках, вообще двадцать лет не хватятся! А можно даже из зала, сигнализации почти нигде нет!

— Правда? — недоверчиво шептала Женя, мягко и уверенно укладывая его на скамью, прикасаясь к шее и груди сухими горячими губами.

Муса слушал внимательно, не перебивая, смотрел, прищурившись холодными маленькими совершенно трезвыми глазами.

Оксана выбралась из бассейна, уселась на его краю. Гоша скосил на нее взгляд. Эта картина что-то напомнила ему: мозаичная плитка, квадратный бассейн, сидящая на его краю нагая женщина с распущенными волосами...

Алевтина Петровна вздрогнула и открыла глаза. Ах, как неприлично, чуть не заснула. Что-то сегодня ломит в висках и голова тяжелая — видно, реакция на погоду. Да весной всегда плохое самочувствие, а шестьдесят шесть лет — это вам не шутка. Хотя, конечно, таких лет ей никто не даст. Главное в ее возрасте — это быть всегда подтянутой и не распускаться и одеваться прилично. То есть не обязательно дорого, но прилично и аккуратно. Спина у нее все еще относительно прямая — недаром в детстве мать привязывала деревянную дощечку, чтобы она поддерживала лопатки в сведенном состоянии, и фирменный зеленый пиджак сидит на фигуре очень даже неплохо. Во всяком случае, совершенно не так, как на этой толстухе Федре.